

Этнопсихология

Клод Леви-Строс

МИФ И ЗНАЧЕНИЕ*

(перевод Александра Островского)

«Первобытное» мышление и «цивилизованный» разум

Способы мышления
бесписьменных
людей

Способ мышления у тех людей, кого мы по ошибке обычно называем «первобытными» – давайте характеризовать их скорее как «бесписьменных», поскольку, как я думаю, это действительно различительный фактор между ними и нами, – интерпретировался с двух различных подходов, оба они, на мой взгляд, равно ошибочны. Первый состоял в рассмотрении такого мышления, как чего-то более грубого по своему качеству, пример из современной антропологии, непосредственно приходящий на ум, – это сочинения Б. Малиновского. Я должен сразу же сказать, что имею величайшее уважение к нему и считаю весьма крупным антропологом, вовсе не насмехаюсь над его вкладом. Но тем не менее в сознании Б. Малиновского мышление людей, которых он изучал, и, в целом, мышление всех бесписьменных популяций, составляющих предмет изучения антропологии, всецело детерминировалось основными жизненными потребностями. Если вам известно, что люди, где бы то ни было, детерминированы голой нуждой поиска средств к существованию, удовлетворением сексуальных побуждений и так далее, – тогда вы можете объяснить их социальные институты, их верования, мифологию и тому подобное. Эта

* Из книги: Lévi-Strauss C. Myth and the Meaning. London, 1978. Р. 15–43. Данный текст – лекция, прочитанная К. Леви-Стросом на канадском радио в 1977 г. и опубликованная в Лондоне в 1978 г. Данный текст более не переиздавался и на русский язык не переводился.

весьма широко распространенная в антропологии концепция обычно идет под рубрикой функционализма.

Другой подход состоит не столько в том, что их мышление – более низкого типа, сколько в том, что это фундаментально отличительный тип мышления. Примером такого подхода служат сочинения Л. Леви-Брюля, считавшего, что основное различие между «первобытным» мышлением – я всегда ставлю в кавычки слово «первобытный» – и современным мышлением состоит в том, что первое целиком детерминировано эмоциями и мистическими представлениями. В то время как концепция Б.Малиновского – утилитаристская, вторая – эмоциональная, или аффективная; и что я попытался подчеркнуть – это то, что в действительности мышление бесписьменных людей является, с одной стороны, не обусловленным интересом, либо может таковым быть по многим моментам – и в этом отличие от Б. Малиновского; а с другой стороны, оно интеллектуально – в этом отличие от Л. Леви-Брюля.

Способность
к незаинтересован-
ному
мышлению

Так, в «Тотемизме сегодня» и «Неприрученной мысли» я постарался показать, что эти люди, которых мы обычно считаем полностью подчиненными потребности не умереть с голоду, потребности быть в состоянии просто длить существование при весьма суровых материальных условиях, вполне способны к незаинтересованному мышлению; иначе говоря, что ими движет потребность или желание познать окружающий мир, свою природу и свое общество. С другой стороны, чтобы достичь этой цели, они исходят из интеллектуальных средств, именно так, как может и должен делать философ и до определенной степени ученый.

Это моя базовая гипотеза.

Мне бы хотелось сразу же рассеять недоразумение. Говорить о незаинтересованном и интеллектуальном образе мышления вовсе не означает приравнивать таковое к научному мышлению. Конечно, оно в каком-то отношении отличается, в чем-то – ниже. Оно остается отличным, поскольку его целью является достижение возможно кратчайшим способом общего понимания универсума – и не только общего, но и *тотального* понимания. Иначе говоря, этот образ мышления, должно быть, подразумевает, что если ты не понимаешь всего, то ты не понимаешь ничего. Это полностью противоречит научному мышлению, действующему шаг за шагом, стараясь дать объяснение вполне ограниченным феноменам, а затем переходя к другим видам феноменов, и так далее. Как уже сказано Р. Декартом, научное мышление стремится

разделить трудность на столько частей, сколько необходимо, чтобы разрешить ее.

Итак, стремление у первобытного мышления к тотализации совершенно отличается от процедур научного мышления. Конечно, большое отличие и в том, что такое стремление не удастся. Посредством научного мышления мы в состоянии достичь господства над природой — мне нет необходимости детализировать этот момент, он достаточно очевиден, — тогда как мифу, конечно, не удастся предоставить человеку большую материальную власть над окружением. Вместе с тем, что очень важно, он дает человеку иллюзию, что тот может понять универсум и что он *понимает* универсум. Конечно, это только иллюзия.

Мы используем
ограниченное
количество нашей
ментальной мощи

Следует отметить, однако, что как ученые мыслители мы используем весьма ограниченное количество нашей ментальной мощи. Мы используем то, что требуется нашей профессией, нашим занятием или той конкретной ситуацией, в которую включены в данный момент. Так, если некто в течение двадцати и даже более лет вовлечен в те способы, какими действуют мифы или системы родства, он использует эту часть своей ментальной мощи. Но нельзя требовать, чтобы каждый из нас интересовался совершенно одинаковыми вещами; поэтому все мы используем определенную долю нашей ментальной мощи на то, что требуется, либо на то, что нас интересует.

В настоящее время мы используем и меньше, и больше наши умственные способности, чем это было в прошлом. И это не одного и того же вида умственные способности в том и другом случае. Например, мы значительно меньше используем наше чувственное восприятие. Когда я писал первую версию «Мифологик» («Введения в науку мифологии»), я столкнулся с проблемой, оказавшейся для меня весьма загадочной. Кажется, речь шла об отдельном племени, способном увидеть планету Венера при ясном дневном свете, что для меня было бы совершенно невозможным и невероятным. Я обратился с вопросом к профессиональным астрономам; они сказали мне, что, конечно, мы не можем увидеть, но тем не менее поскольку нам известно то количество света, которое испускает планета Венера при дневном свете, то абсолютно немыслимо, что некоторые люди могли. Позднее я заглянул в старый тракт по навигации, принадлежащий нашей цивилизации, и оказывается, что моряки прошлого были вполне в состоянии видеть планету Венера при полном дневном свете. Вероятно, мы могли бы это сделать и сейчас, имея тренированный глаз.

Невозможно
развивать сразу все
умственные способ-
ности

Точно так же и с нашими познаниями относительно растений и животных. У бесписьменных людей фантастически точные познания об их окружении и обо всех их ресурсах. Все это мы утратили, но эта утрата не впустую; теперь, например, мы в состоянии вести автомобиль и не быть ежемоментно раздавленными; либо вечером включать телевизор или радио. Это подразумевает воспитание таких умственных способностей, которых нет у «первобытных» людей, поскольку они в этом не нуждаются. Я чувствую, что с тем потенциалом, которым они располагают, они могли бы изменить качество своего ума, но в этом нет нужды для их образа жизни и их связи с природой. Невозможно развивать сразу все умственные способности, принадлежащие человечеству. Возможно использовать лишь малый сектор, и таковой не одинаков в разных культурах. Вот и все.

Вероятно, один из многих видов антропологического исследования состоит в том, что, независимо от культурных отличий тех или иных по отдельности частей человечества, человеческий ум везде тот же и имеет одинаковые способности, думаю, принимается везде.

«Только через
различие
совершается
прогресс»

Я не думаю, что культуры систематически или методически пытались дифференцироваться друг от друга. Фактически в течение сотен тысяч лет человечество не было многочисленным на Земле; небольшие группы проживали изолированно, так что было естественно, что они развивали присущие им характеристики и становились отличными друг от друга. Это ни на что не было нацелено. Скорее, это просто результат тех условий, что чрезвычайно долго преобладали. Мне бы не хотелось, как и вам, думать, что это само по себе вредно или что эти различия следует преодолевать. На самом деле различия чрезвычайно плодотворны. Только через различие совершается прогресс. Сейчас нам, вероятно, угрожает то, что можно назвать сверхкоммуникацией, то есть склонность, находясь в одной точке мира, знать о том, что происходит во всех других частях мира. Чтобы культуре быть самой собой и что-либо производить, культура и ее носители должны быть убеждены в своей оригинальности и даже, до некоторой степени, в своем превосходстве над другими; только при условии недокоммуникации можно что-либо создавать. В настоящее время нам угрожает перспектива быть только потребителями, способными потреблять все что угодно из любой точки мира и любой культуры, но с полной утратой оригинальности.

Невозможность
культурного
единства

Сейчас нам легко помыслить о времени, когда будет только одна культура и одна цивилизация на всей поверхности Земли. Я полагаю, этого не произойдет, поскольку

всегда действуют противоположные тенденции: с одной стороны, к гомогенизации, а с другой – к новым различиям. Чем более цивилизация становится гомогенизированной, тем более явными становятся внутренние разделительные линии; и что обретаётся на одном уровне, то немедленно утрачивается на другом. Это персональное чувство, у меня нет ясного доказательства действия этой диалектики. Но я не вижу, как человечество может жить без определенного внутреннего разнообразия.

Рассмотрим миф

Давайте рассмотрим миф из Западной Канады о скате, стремящемся управлять или иметь превосходство над Южным Ветром, и которому это удастся. Эта история относится к тому времени, что было на Земле до существования человечества, иначе говоря, к тому времени, когда животные и люди реально не отличались, существа были полулюдьми, полуживотными. Всех чрезвычайно беспокоили ветры, поскольку они, особенно скверные ветры, дули все время, делая невозможным рыболовство и сбор моллюсков на берегу. Поэтому было решено, что надо сразиться с ветрами и принудить их вести себя более порядочно. Это была экспедиция, в которой принимало участие несколько человек-животных, или животное-людей, включая ската, игравшего важную роль в поиме Южного Ветра. Южный Ветер был освобожден только тогда, когда он пообещал не дуть все время, но лишь время от времени, или в определенные периоды. С тех пор Южный Ветер дует лишь в определенные периоды года или в каждый второй день в течение оставшегося времени и человечество может заниматься своей деятельностью. Ну, эта история никогда не происходила. Но нам следует не удовлетворяться тем, что это откровенный абсурд либо лишь причудливое творение ума, подобное бреду. Нам следует взяться за это серьезно и задать себе вопросы: почему скат и почему Южный Ветер?

Анализ мифа

Когда вы пристально разглядываете мифологический материал именно так, как он преподносится, вы замечаете, что скат действует в зависимости от вполне определенных характеристик двух видов. Первая – то, что это рыба, как все плоские рыбы, скользкая снизу и шершавая сверху; а другое свойство, позволяющее скату весьма успешно ускользать, когда ему приходится сражаться с другими животными: он очень широкий при взгляде сверху либо снизу и чрезвычайно узкий сбоку.

Противник, возможно, думает, что очень просто выпустить стрелу и убить ската, ведь он такой широкий, но как только прицелились, скат может внезапно развернуться, скользнуть и показать лишь свой профиль, в который,

конечно, прицелиться невозможно; таким образом, он исчезает. Итак, основание выбора ската состоит в том, что это животное, которое будучи рассмотренным с одной или другой точки зрения, способно давать – не говоря на языке кибернетики – ответ лишь «да» или «нет». Ему свойственны два состояния, которые прерывисты, и одно из них позитивно, а другое негативно. Польза от привлечения ската в миф – хотя, конечно, мне бы не хотелось слишком далеко протягивать это сравнение – подобно элементам в современных компьютерах, пригодных к использованию для решения весьма сложных проблем путем приравливания рядов из ответов «да» или «нет».

Понимание через
бинарные операции

Хотя с эмпирической точки зрения, очевидно, ошибочно и невозможно, чтобы рыба была в состоянии сражаться с ветром, с логической точки зрения мы в состоянии понять, почему могут употребляться *образы*, заимствованные из опыта. Такова оригинальность мифологического мышления – играющего партию концептуального мышления: животное, которое можно использовать, я бы сказал, в качестве бинарного оператора, может иметь, с логической точки зрения, связь с проблемой, также бинарной. Если Южный Ветер дует ежедневно в течение года, жизнь для человечества невозможна. Но если он дует лишь в один из двух дней – «да» в один день, «нет» в другой и так далее, – то становится возможным нечто вроде компромисса между нуждами человечества и условиями, преобладающими в природном мире.

Поэтому, с логической точки зрения, имеется подобие между таким животным, как скат, и тем видом проблемы, которую пытается разрешить миф. Данная история не правдоподобна с научной точки зрения, но мы смогли понять это свойство мифа лишь в такое время, когда в научный мир пришли компьютеры и снабдили нас пониманием бинарных операций, которые уже использовались, совершенно по-иному, мифологическим мышлением в связи с конкретными объектами или существами. Итак, в действительности это не разрыв между мифологией и наукой. Лишь нынешнее состояние научного мышления делает нас способными понять этот миф, по отношению к которому мы оставались полностью слепы до того, как нам становится близкой идея бинарных операций.

«Между жизнью
и мышлением нет
абсолютного
пробела»

Мне бы не хотелось, чтобы вы думали, что я ставлю на одну доску научное объяснение и мифологическое объяснение. Хотелось бы сказать, что величие и превосходство научного объяснения лежит не только в практических и интеллектуальных достижениях науки, но и в

факте, что мы все более и более являемся свидетелями, как наука становится способной оправдывать не только свою собственную законность, но также и то, что до определенной степени было законным в мифологическом мышлении. Важно то, что мы становимся все более заинтересованными в этом качественном аспекте и что наука, имевшая чисто количественную перспективу, начинает интегрировать в качественные аспекты реальности. Это, несомненно, позволяет нам понять весьма многие вещи, присущие мифологическому мышлению, которые в прошлом мы были склонны оставлять как не имеющие значения, абсурдные. И эта тенденция приведет нас к тому, чтобы поверить, что между жизнью и мышлением нет абсолютного пробела, что фактически принималось философским дуализмом XVII века. Если нас приведут к тому, чтобы поверить, что то, что происходит в нашем разуме, не является чем-то субстанционально или фундаментально отличным от базового феномена жизни как таковой, и если затем нас подведут к тому чувству, что нет ничего невозможного в том, чтобы преодолеть такого рода зазор между, с одной стороны, человечеством и, с другой стороны, всеми прочими живыми существами – не только животными, но и растениями, – тогда, вероятно, мы достигнем большей мудрости, нежели, как мы полагаем, та, на которую мы считаем себя способными.

Заячья губа и близнецы: раскалывание мифа

Мифы и их интерпретации

Нашим отправным пунктом будет загадочное наблюдение, зафиксированное испанским миссионером в Перу отцом П.Ж. де Арриага в конце XVI века и опубликованное в его «Extirpacion de la Idolatriadel Peru» (Lima, 1621). Он заметил, что в определенной части Перу того времени, в периоды жестокого холода жрец взывал ко всем тем обитателям, о которых известно, что они родились ногами вперед, либо что у них заячья губа, либо что они близнецы. Их обвиняли в том, что они ответственны за холод, поскольку, говорилось, они съели соль и перец, и им предписывалось раскаяться и замолить свои грехи.

То, что близнецы соотносимы с расстройством в атмосфере, обыкновенно принимается везде в мире, в том числе и в Канаде. Хорошо известно, что на побережье Британской Колумбии среди индейцев близнецы наделялись особой силой доставлять хорошую погоду, рассеивать шторм и тому подобное. Однако не в этом состоит проблема, которую я хочу здесь рассмотреть. Меня поражает, что все мифографы – например сэр Джеймс Фрэйзер, несколь-

ко раз цитирующий П.Ж. де Арриага, – никогда не принимали вопрос, почему люди с заячьей губой или близнецы считались в некотором отношении сходными. Мне представляется, что суть проблемы в том, чтобы выяснить: почему с заячьей губой? почему близнецы? и почему вместе берутся люди с заячьей губой и близнецы?

Почему совмещаются близнецы и люди с заячьей губой?

Чтобы разрешить проблему, нам надо, как это иногда происходит, совершить прыжок из Южной в Северную Америку, поскольку именно североамериканский миф даст нам ключ к южноамериканскому мифу. Многие упрекали меня за такого рода процедуру, настаивая на том, что мифы данной популяции могут интерпретироваться и быть поняты в рамках культуры данной популяции. У меня есть несколько вещей, которые я могу попутно высказать в ответ на такое возражение.

Первым делом, мне представляется совершенно ясным, как было установлено за последние годы так называемой школой Беркли, что население Америк до прихода Колумба было гораздо большим, чем это предполагалось. И поскольку оно было гораздо больше, очевидно, что эти большие популяции в какой-то степени контактировали друг с другом и что верования, практики и обычаи, так сказать, взаимно просачивались. Любая из соседних популяций всегда была до некоторой степени в курсе того, что происходило в другой популяции.

Второй момент в рассматриваемом нами вопросе состоит в том, что такие мифы не существуют изолированно в Перу, с одной стороны, в Канаде, с другой стороны, но и в промежуточной сфере мы находим их снова и снова. Поистине это панамериканские мифы, а не разрозненные мифы в различных частях континента.

Противопоставление близнецов друг другу от момента зачатия

У тупинамба, древних береговых индейцев Бразилии, как и у индейцев Перу, во времена открытия Америки был миф о женщине, которую одному очень бедному человеку удалось соблазнить хитрым путем. В наиболее известной версии, записанной французским монахом Андре Теве в XVI веке, пояснялось, что соблазненная женщина родила близнецов, один из них был рожден от законного мужа, а другой – от соблазнитель-трикстера. Женщина шла на встречу с богом, который должен был стать ее мужем, и на ее пути попадает трикстер, заставляющий ее поверить, что он – бог; так у нее происходит зачатие трикстера. Когда позднее она находит того, кто является ее законным мужем, у нее и от него зачатие, и позднее она рождает близнецов. Поскольку у этих мнимых близнецов разные отцы, у них антитетичные черты: один храбрый, а другой трусли-

Версии
в различных мифах

вый; один – покровитель индейцев, а другой – белых людей; от одного у индейцев благо, тогда как другой, наоборот, ответствен за многие несчастливые события.

Так происходит, что в Северной Америке мы обнаруживаем тот же самый миф, в частности на северо-западе Соединенных Штатов и в Канаде. Вместе с тем сравнительно с южноамериканскими версиями, те версии, что идут из Канады, выказывают два важных отличия. Например, у кутени, живущих в скалистых горах, только одно оплодотворение, имеющее последствием рождение близнецов, которые позднее становятся один солнцем, а другой луной. А у других индейцев Британской Колумбии, принадлежащих к языковой семье сэлиш, – у индейцев томпсон и оканаган – там две сестры, обманутые двумя явно отличными индивидами, и у каждой из них рождается сын; на деле они не близнецы, ведь они родились от разных матерей. Но поскольку они родились при обстоятельствах в точности одинакового типа, то по крайней мере с моральной и психологической точек зрения они в известной степени сходны с близнецами.

Эти версии, с той точки зрения, которую я хочу провести, наиболее важны. Версия сэлиш ослабляет близнецную характеристику героя, поскольку близнецы – не братья, они кузены; и в близкой параллели только обстоятельства их рождения – они оба рождаются благодаря трикстеру. Тем не менее базовая интенция остается той же самой, поскольку нигде герои не являются понастоящему близнецами; они рождаются от разных отцов, даже в южноамериканской версии, и у них противоположные характеристики – черты, которые будут проявляться в их поведении и в поведении их потомков.

Разделение
близнецов на двух
различных
индивидов

Итак, можно сказать, что во всех случаях дети, называемые близнецами или считающиеся близнецами, как в версии индейцев кутени, будут иметь затем разные приключения, которые, так сказать, и отделяет их от близнецства*.

И такое отделение двух индивидов, которых вначале представляли в качестве близнецов – либо действительно близнецов, либо эквивалентных близнецам, – является базовой характеристикой всех мифов в Южной и в Северной Америке.

Миф о сестрах

В версиях мифа у сэлиш имеется весьма любопытная и очень важная деталь. Вы помните, что в такой версии нет каких бы то ни было близнецов, поскольку там

* Здесь игра слов: twins – близнецы, be untwin – быть отделенным; тогда «untwin» у автора означает и отделить, и лишить близнецства.

две сестры, путешествующие, с тем чтобы каждой из них найти мужа. Им было сказано их бабушкой, что они узнают своих мужей по таким-то и таким-то характеристикам, а затем каждая из них вводится в заблуждение встречаемыми по пути трикстерами, уверяющими, что они суть мужья, с которыми и надлежит вступить в брак. Женщины проводят ночь с трикстером, и каждая из них позднее рождает сына.

После этой несчастливой ночи, проведенной в хижине трикстера, старшая сестра покидает младшую и отправляется навестить свою бабушку – горную козу, также нечто вроде магии; ибо она знает наперед, что к ней идет ее внучка, и она посылает зайца встретить ее на пути. Заяц прячется под колодой, упавшей посреди дороги, и когда девушка поднимает ногу, чтобы переступить через колоду, зайцу видны ее половые органы, и он произносит довольно непристойную шутку. Девушка взбешена, она бьет его тростью и раскалывает ему нос. Вот отчего теперь у животных семейства заячьих расщеплены нос и верхняя губа – что мы и называем у людей заячьей губой как раз на основании этой анатомической особенности у кроликов и зайцев.

Другими словами, старшая сестра начинает раскалывать тело животного; если бы такое раскалывание было доведено до конца – если бы оно не остановилось на носе, но продолжилось бы по телу и хвосту – она бы превратила индивида в близнецов, иначе говоря, в двух индивидов, совершенно сходных либо тождественных, ведь и тот и другой являются частью целого. В этом отношении очень важно установить, какой концепции придерживались индейцы по всей Америке по поводу происхождения близнецов. И обнаруживаем верование общего характера, что близнецы проистекают от внутреннего расщепления телесных жидкостей, которые позднее уплотняются и станут ребенком. Например, у североамериканских индейцев беременной женщине запрещается слишком быстро поворачиваться, когда она спит, ибо если она так сделает, то телесные жидкости разделятся на две части и она родит близнецов.

Имеется также миф от индейцев квакиутль острова Ванкувер, который следует здесь упомянуть. В нем рассказывается о маленькой девочке, всеми ненавидимой за то, что у нее заячья губа. Появляется людоедка, сверхъестественная женщина-каннибал, она выкрадывает всех детей, включая маленькую девочку с заячьей губой. Она кладет их всех в корзину, чтобы отнести к себе домой и съесть. Маленькой девочке, которую первой положили

Миф о девочке
с заячьей губой

на дно корзины, удается расколоть ее морской ракушкой, подобранной на берегу. Корзина на спине у людоедки, и девочка оказывается первой в состоянии выпасть и убежать. Она падает наружу *вперед ногами*.

Связь между близнецами и людьми с заячьей губой с рождением вперед ногами

Эта позиция у девочки с заячьей губой совершенно симметрична позиции зайца в мифе, который я прежде упомянул: припадая к земле под героиней, когда он прячется под колодой, лежащей на ее пути, он находится в точно такой же позиции, как если бы он был рожден ею и высвободился бы вперед ногами. Итак, мы видим, что во всей этой мифологии действительно имеется связь между близнецами, с одной стороны, и родами вперед ногами или позициями, говоря метафорически, им тождественными, с другой стороны. Это, очевидно, проясняет сочленение, с чего мы начали, у отца Арриага в перуанских связях: между близнецами, людьми, родившимися ногами вперед, и людьми с заячьей губой.

Заячья губа – близнецство в зародыше

Тот факт, что заячья губа мыслится как близнецство в зародыше, возможно, поможет нам разрешить проблему, совершенно фундаментальную особенно для тех антропологов, что работают в Канаде: почему индейцы оживе и другие группы, относящиеся к языковому семейству алгонкин, избрали зайца в качестве высшего божества, в которое они верят? Было выдвинуто несколько объяснений: заяц – это важная, если и не главная часть их диеты; заяц очень быстро бежит, так что это был пример тех способностей, которыми индейцы хотели обладать, и так далее. Ничто из этого особенно не убеждает. Но если моя предшествующая интерпретация правильна, то представляется более убедительным сказать: 1 – в семействе грызунов заяц является более крупным, более видным, более значительным, так что он может быть взят как представитель семейства грызунов; 2 – у всех грызунов проявляется анатомическая особенность, делающая их зародышем близнецства, поскольку они отчасти расколоты.

Соревнование за первенство у близнецов при рождении

Когда во чреве матери двойня или даже больше детей, то в мифе обычно имеется серьезное последствие этого, поскольку, даже если их только двое, дети начинают драться, состязаться, чтобы установить, кто из них будет иметь честь родиться первым. И один из них, какой-то плохой, не колеблясь, находит кратчайший путь, так сказать, чтобы родиться первым; вместо того, чтобы следовать по естественному пути, он делает щель в теле матери, чтобы выскользнуть оттуда.

Состязательное нетерпение близнецов

Таково, я думаю, объяснение того, почему факт рождения ногами вперед ассимилируется с близнецством,

ведь в случае близнечества состязательное нетерпение ребенка будет заставлять его разрушать мать, чтобы родиться первым. И близнечество, и рождение вперед ногами являются предвестниками опасных родов, ибо ребенок проявит инициативу и станет своего рода героем, в некоторых случаях – смертоносным героем; но он совершает весьма значительный подвиг. Это объясняет, почему в некоторых племенах близнецов, так же как и детей, родившихся ногами вперед, убивали.

Заячья губа –
полпути
к близнечеству

Действительно важный момент состоит в том, что во всей мировой мифологии мы имеем божеств или сверхъестественных существ, играющих роль посредников между силами сверху и человечеством снизу. Они могут изображаться по-разному: например, характеры типа Мессии; небесные близнецы. И можно увидеть, что место зайца в мифологии алгонкин находится как раз между Мессией – иначе говоря, уникальным посредником – и небесными близнецами. Он не представляет собой близнецов, но он есть зародыш близнечества. Он все еще полный индивид, но у него заячья губа, он на полпути к тому, чтобы стать близнецом.

Мифология о
двойственности
зайца

Это объясняет, почему в данной мифологии заяц как бог имеет двойственную характеристику, что измучило комментаторов и антропологов: иногда он очень мудрое божество, ответственное за то, чтобы удерживать универсум в порядке, а иногда он нелепый клоун, переходящий от неудачи к неудачи. И это также понимается наилучшим образом, если мы объясняем выбор зайца у индейцев алгонкин тем, что это существо, находящееся между двумя состояниями: 1 – единое божество, благотворное для человечества, и 2 – близнецы, один из которых хороший, а другой – дурной. Поскольку еще не совсем произошло разделение надвое, это еще не близнецы, то в одной и той же персоне могут пребывать, сочетаясь, противоположные характеристики.

Когда миф становится историей

Целостность или
фрагментарность
мифологических
повествований

Эта тема представляет для мифолога две проблемы. Одна из них – теоретическая проблема большого значения, поскольку когда мы смотрим на опубликованный материал по Северной и Южной Америке или какой-либо еще страны в мире, то оказывается, что имеется мифологический материал двух различных видов. Порой антропологи собирали мифы, которые выглядят, так сказать, более или менее клочковато; разобщенные повествования устанавливаются одно за другим без какой-либо ясной

взаимосвязи. В других случаях, как в области Вепес в Колумбии, имеем весьма связанные мифологические повествования, все поделенные на главы, следующие друг за другом в полном логическом порядке.

И вот вопрос: что означает коллекция? Она может означать, что когерентный порядок, вроде саги, — это изначальное состояние, и что где бы мы ни обнаруживали мифы в виде разобщенных элементов, это есть результат процесса разрушения и дезорганизации; можно найти лишь рассеянные элементы того, что прежде было значимой целостностью. Либо мы можем выдвинуть гипотезу, что разобщенность была архаическим состоянием и что мифы приводились в порядок туземными мудрецами и философами, которые существовали не везде, но лишь в некоторых обществах данного типа. У нас точно такая же проблема, к примеру, и с Библией, ибо кажется, что ее сырье представляло собой разобщенные элементы и что ученые-философы приводили их в порядок, чтобы создать непрерывное повествование. Было бы чрезвычайно важно установить, схожа ли ситуация у бесписьменных народов, изучаемых антропологами, с Библией, либо совершенно иная.

Мифологический
материал и его
собрание

Вторая проблема, хотя все же и теоретическая, но имеет более практический характер. В прежние времена, скажем в конце XIX века и в начале XX века, мифологический материал собирался главным образом антропологами, т.е. людьми извне. Конечно, во многих случаях, и в частности в Канаде, у них были сотрудники-туземцы. Позвольте, например, упомянуть о случае Франца Боаса, имевшего помощником квакиутль Георга Ханта (фактически он не был строго квакиутль, поскольку родился от отца-шотландца и матери-тлингит, но вырос среди квакиутль, женился на квакиутль и был полностью идентифицирован с культурой). У цимшиан Ф. Боас имел Генри Тейт, образованного цимшиан. Итак, с самого начала обеспечивалось туземное содействие, тем не менее фактически Г. Хант, Г. Тейт или Беньон работали под руководством антропологов, иначе говоря, они сами превратились в антропологов. Конечно, им известны были наилучшие легенды, традиции, принадлежащие их клану, но тем не менее они были равно заинтересованы в сборе данных по другим семьям, другим кланам и так далее.

При взгляде на огромный корпус мифологии индейцев, как, например, на «Мифологию цимшиан» Ф. Боаса и Г. Тейта или тексты квакиутль, собранные Г. Хантом и переведенные и опубликованные также Ф. Боасом,

мы находим более или менее одинаковую организацию данных, поскольку это была организация, рекомендованная антропологами. Например, вначале – космологические и космогонические мифы, а далее, гораздо далее – то, что может считаться легендарной традицией и семейной историей.

Рефлексии носителей традиции

Так произошло, что за это дело, начатое антропологами, в настоящее время индейцы принимаются сами и для различных целей, например, чтобы обучиться своему языку и мифологии в начальной школе для индейских детей. Это очень важно на данный момент, я понимаю. Другая цель – использовать легендарную традицию для обоснования требований, направленных против белых людей, – территориальных, политических требований и т.д.

Традиции, собранные «извне» и «изнутри»

Итак, чрезвычайно важно установить, есть ли разница и, если она есть, какого рода различие между традициями, собранными извне, и традициями, собранными изнутри, хотя они и собирались *как бы* извне. Я бы сказал, что Канаде посчастливилось в том, что книги по ее мифологии и легендарным традициям организованы и опубликованы самими индейскими специалистами. Это началось рано: «Легенды Ванкувера» Паулины Джонсон выпущены до первой мировой войны. Позднее были книги Мариуса Барбо, который, конечно, вовсе не индеец, но он старался собирать исторический или полужурналистский материал и старался сам сделаться глашатеем своих индейских информаторов; он создал, так сказать, свою собственную версию мифологии.

Были и более интересные книги. Например, такая как «Мужчины Медека», опубликованная в Китимате в 1962 году, являющаяся, предположительно, дословной передачей материалов, полученных из уст Чифа Уодтера Райта, вождя цимшиан со среднего течения реки Скина, но собранных кем-то другим – белым работником, даже не профессионалом. Еще значительна книга Чифа Кеннета Харриса, также вождя цимшиан, опубликованная им самим в 1974 году.

Таким образом, имея такого рода материал, мы можем построить нечто вроде эксперимента, сопоставив материал, собранный антропологами, с материалом, собранным и опубликованным непосредственно индейцами. Я бы не говорил «собранный» фактически, ибо то, что мы имеем в этих двух книгах, – это не традиции нескольких семей, нескольких кланов, нескольких линий, помещенные рядом и сопоставленные друг с другом, но в действительности это история одной семьи, одного клана, опубликованная одним из потомков.

Где кончается мифология и начинается история?

Письменная и бесписьменная истории

Проблема такова: где кончается мифология и начинается история? В случае для нас совершенно новом, истории без архивов, где, конечно, нет письменных документов, а есть лишь устная традиция, претендующая в то же время на то, чтобы быть историей. Если мы теперь сопоставим эти две истории – одну, полученную со Средней Скины от Чифа Райта, и другую, записанную и опубликованную Сифом Харрисом, от семьи с верховьев Скины, область Хазельтон, – то обнаружим и сходства и различия. Со стороны Чифа Райта мы имеем то, что я бы назвал генезисом беспорядка: повествование в целом направлено на объяснение того, почему с самого своего происхождения данный клан, или линия, или группа линий преодолевали огромное число испытаний, познали периоды успеха и периоды неудач и постепенно были доведены до гибельного конца. Это чрезвычайно пессимистическое повествование, поистине история падения. В случае Чифа Харриса – совершенно иной взгляд, поскольку книга оказывается главным образом направленной на истоки социального порядка, бывшего социальным порядком в исторической перспективе и все еще воплощенным, если можно так сказать, в некоторых именах, титулах и привилегиях, которые данный индивид, занимающий видное место в своей семье и в клане, сосредоточил у себя по наследству. Таким образом, это – как если бы диахронная последовательность событий была просто спроецирована на экран настоящего, с тем чтобы воссоздать по частям синхронный порядок, существующий и иллюстрируемый списком имен и привилегий данного индивида.

И повествования, и книги, несомненно, обворожительны, они являются, говоря буквально, великим примером*; но для антропологов основной интерес здесь состоит в том, чтобы прояснить характеристики такого рода истории, которая значительно отличается от нашей собственной. История, как мы ее пишем, практически всецело базируется на письменных документах, тогда как в случае этих двух историй здесь, очевидно, письменных документов нет либо их очень мало. Когда я стараюсь сопоставить их, меня поражает, что обе они начинают с сообщения о мифическом или, возможно, историческом – не знаю каком, вероятно, археология это разрешит – времени, когда в верховьях Скины, вблизи того места, где сейчас Хазельтон, был большой город, название которо-

* Игра слов: «great piece» означает также «крупный кусок, часть».

Вариативность
повествовательных
историй

го Барбо транскрибирует как Тенлахам, и отчет об этом времени там и происходит. Об этом повествуется в обеих книгах: поясняется, что город был разрушен и, что остатки населения пришли в движение и начали свои трудные скитания вдоль Скины.

Конечно, это могло быть историческим событием, но если пристально посмотреть на способ, каким это излагается, то видим, что событие одинаково по типу, но не по обстоятельствам. Например, согласно версии, вначале, возможно, было сражение между двумя деревнями или между двумя городами – сражение, произошедшее из-за супружеской измены; но в повествовании говорится – что либо муж убил любовника, либо муж убил свою жену за то, что у нее был любовник. Итак, как видите, у нас есть объясняющая клеточка. Базовая структура здесь одинакова, но *содержание* этой клеточки не одно и то же, оно может варьировать; таким образом, это род мини-мифа, если можно так выразиться, поскольку он очень краткий и очень сжатый, но все же обладает свойствами мифа в том, что, как можно наблюдать, подвергается различным трансформациям. Когда один из элементов трансформируется, то и другой элемент соответственно должен быть по-новому прилажен. Вот первый аспект этих клановых повествований, который меня интересует.

Второй аспект состоит в том, что это истории с высокой повторяемостью; один и тот же событийный тип может использоваться несколько раз, для отчета о различных событиях. Например, поразительно, что в повествованиях, относящихся и к частной традиции Чиф Райта, и к частной традиции Чиф Харриса, мы находим сходные события, но они происходят не в одинаковом месте и затрагивают не тех же самых людей и, что очень похоже, не совсем в тот же самый исторический период.

Снятие оппозиции
мифологии и
истории

Что нам открывается при чтении этих книг – так это то, что оппозиция – простая оппозиция мифологии и истории, которую мы имеем обыкновение создавать, – не является совершенно ясно очерченной и что здесь существует промежуточный уровень. Мифология статична, мы находим одни и те же элементы мифа, снова и снова приводимые в сочетание, но они располагаются, так сказать, в закрытой системе, в отличие от истории, которая, конечно, является, открытой системой.

Открытый характер истории обеспечивается несчетным числом способов, в соответствии с которыми ячейки мифа или объясняющие клеточки, изначально принадлежавшие мифу, могут приводиться в порядок и перестраиваться. Отсюда видно, что, используя один и тот

Объяснительный
характер
мифологии

Совмещение
несовместимого

Внимание к сходно-
му, пренебрежение
к различиям

же материал, поскольку он является чем-то вроде общего наследия, или общей вотчиной всех групп, всех кланов или всех линий, можно, тем не менее, успешно построить оригинальное сообщение для каждого из них.

В прежних антропологических отчетах вводит в заблуждение то, что из традиций и верований, принадлежащих огромному числу различных социальных групп, была устроена какая-то всякая всячина. Это ведет к потере из виду фундаментального характера материала — того, что каждый тип повествования принадлежит данной группе, данной семье, данной линии или данному клану и стремится объяснить судьбу этой единицы, которая может быть успешной или гибельной; либо повествование направлено на объяснение прав и привилегий, как они существуют в настоящем, или пытается обосновать требование прав, с тех пор исчезнувших.

Когда мы стараемся создать научную историю, действительно ли мы делаем нечто научное, либо мы также остаемся ехать верхом на нашей собственной мифологии, которую стремимся определить как чистую историю? Очень интересно взглянуть, и в Северной и в Южной Америке, и, действительно, повсюду в мире на тот способ, каким человек, имеющий по праву и по наследию определенное представление о мифологии или легендарной традиции своей собственной группы, реагирует, когда он слушает отличную версию — от кого-то, принадлежащего к отличной семье или отличному клану, линию-версию, до некоторой степени сходную, но и в некоторой степени весьма отличную. Следовало бы считать невозможным, чтобы два неодинаковых сообщения могли быть истинными в одно и то же время, но, тем не менее, оказывается, в некоторых случаях их принимают в качестве истинных, с единственным различием, что одно из сообщений рассматривается как лучшее или более точное, чем другое. В других случаях оба сообщения могут рассматриваться как равно надежные, поскольку их различия не воспринимаются как таковые.

В своей повседневной жизни мы не осознаем, что находимся в точно такой же ситуации относительно различных исторических сообщений, записанных разными историками. Мы уделяем внимание лишь тому, что в основе сходно, и пренебрегаем различиями ввиду того, что способ, каким историки вычленяют данные, и способ, каким они их интерпретируют, — совсем не одно и то же. Поэтому если взять две оценки историков, принадлежащих к различным интеллектуальным традициям и с различным политическим уклоном, таких событий, как американская революция, англо-французская война в

Канаде или Великая французская революция, то мы в действительности не настолько шокированы, что они не говорят совершенно одинаковые вещи.

Что же такое в действительности историческая наука?

Таким образом, у меня складывается впечатление, что если внимательно изучать историю, в общем значении слова, которую современные индейские авторы стараются преподнести нам относительно своего прошлого, рассматривать эту историю не как причудливое сообщение, но стараясь чрезвычайно внимательно, по типу археологии спасения – откопать места поселения согласно этим историям – пытаюсь установить соответствия, насколько это возможно, между различными сообщениями и стремясь обнаружить, что же действительно соответствует и что не соответствует, мы сможем в итоге достичь лучшего понимания того, что же такое в действительности историческая наука.

Преодоление разрыва между мифологией и историей

Я не далек от того, чтобы полагать, что в наших обществах история заместила мифологию и выполняет ту же функцию: для обществ, не имеющих письменности и архивов, цель мифологии – обеспечить, настолько тесно, насколько это возможно, полное сближение; очевидно, невозможно, чтобы будущее оставалось верным настоящему и прошлому. Для нас, однако, будущее всегда должно быть отличным, навеки отличным от настоящего; в чем-то это отличие, конечно, зависит от наших политических предпочтений. Но все же разрыв, существующий, в определенной степени, в нашем разуме между мифологией и историей, может, вероятно, быть преодолен путем изучения истории, которая мыслится не как совершенно отдаленная от мифологии, но как ее продолжение.